

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОЛЬГА ДАШКОВА
ОХОТА
НА ОЛИГАРХА

Ольга Викторовна Дашкова
Охота на олигарха
Серия «ДЫМОВЫ», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69086494

SelfPub; 2023

Аннотация

Взрослый, жёсткий, циничный. Баснословно богатый и влиятельный. Уверенный, бескомпромиссный, всё это – олигарх Владимир Дымов. Каждый месяц его состояние увеличивается на несколько миллионов. Каждый месяц рядом с ним новая красивая девушка. Но всё меняется, когда на олигарха объявляется охота и судьба сводит заядлого холостяка с простой женщиной. У них нет ничего общего, они из разных миров. Но проведённые вместе несколько ночей меняют их жизнь.

Содержание

Пролог. ДЫМОВ. Декабрь	4
Пролог 2. Евгения. Декабрь	10
Глава 1. ДЫМОВ. Октябрь	16
Глава 2. Евгения	22
Глава 3 ДЫМОВ	28
Глава 4. Евгения	34
Глава 5. ДЫМОВ	41
Глава 6. Евгения	47
Глава 7. ДЫМОВ	54
Глава 8. Евгения	59
Глава 9. ДЫМОВ	64
Глава 10. Евгения	69
Глава 11. ДЫМОВ	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ольга Дашкова

Охота на олигарха

Пролог. Дымов. Декабрь

– Тебе здесь нравится?

Девушка сморщила носик, брезгливо отодвинула столовый прибор, осматривая вокруг интерьер:

– Еще не решила.

С ее плеча соскользнула белая шубка, показывая загорелую кожу и тонкую бретельку топа.

Она перевернула страницу лежащего на столе меню, начала читать, но тут же вопросительно посмотрела на меня:

– Селедка под шубой? Дорогой, ты серьезно?

– Почему нет? Сто лет не ел такое.

На нее забавно смотреть, все время забываю имя – Милана, Милена, Милания? Впрочем, это не так важно.

Сам рассматриваю свое приобретение трехмесячной давности – ресторан «Ля Минор». Кроме нашего заняты еще три столика, на стеклах наклейки о предлагаемом бизнес-ланче и скидках, искусственные цветы в маленьких вазочках, клетчатые скатерти, дешевые шторы.

Мила продолжает изучать меню, больше не задает вопросов, но весь ее вид говорит о брезгливости и пренебрежении

к данному заведению. Послушная девочка, ради денег стерпит все, даже селедку под шубой, приготовленную неизвестно где.

Почти центр города, место хорошее, что не скажешь о ресторане, но купил по дешевке, в договоре было сказано, что владельцы должны освободить помещение к Новому году. Но как видно, они этого делать не собираются, в углу стоит наряженная искусственная ель, мигают гирлянды. Со времен молодости не бывал в таких заведениях.

За последние месяцы в моей жизни много чего случилось, было не до какого-то там ресторана. Самое радостное, конечно, это то, что я стал дедом – старшая дочь, Дарья, родила месяц назад самую красивую девочку на свете. Если учесть, что мне совсем скоро пятьдесят один год, то я этому безумно рад, но стариком себя совсем не ощущаю.

– Добрый день, меня зовут Евгения, вы уже готовы сделать заказа?

От звука знакомого голоса все внутри сжимается.

Медленно поднимаю голову, мы встречаемся взглядами. Выющиеся светлые волосы ниже плеч, голубые глаза, в них сейчас столько холода, а еще – удивления.

Девушка делает шаг назад, поправляет черный фартук официанта, сжимает в руке блокнот и карандаш:

– Вы готовы сделать заказ?

– Дорогой, мы точно будем здесь что-то кушать? Может, не стоит? Поехали в «Инжир», а лучше к тебе.

– Будем. Заказывай.

– Ну, тогда мне воды – простой, без газа и в бутылке, я открою сама. Если честно я не голодна.

Евгения несколько секунд смотрит на мою спутницу, снова на меня, теперь практически убивая взглядом, поджимает губы. Кажется, похудела за то время, что не видел, бледная кожа, заостренные скулы, хрупкие плечи.

Я помню вкус ее губ – брусника с сахаром, она тогда ела именно ее, запивая чаем с мятой.

– У нас есть клюквенный морс.

– Морс – это что?

– Это сладкий напиток из разбавленного водой сока ягод.

– Клюква, она же кислая, нет, мне просто воду.

– Что вам?

Теперь моя очередь, а я сижу, теряюсь, как школьник, а не взрослый мужик.

Евгения, это имя написано на беджике. Да, Женечка, как я ласково ее называл, а еще шептал это имя ночами, что мы провели вместе, лоя с ее вкусных губ стоны.

Чувство вины и стыда – вот что сейчас разъедает меня изнутри. А еще Мила в белой норковой шубе, ее брезгливость, мой дорогой телефон на столе и часы за кучу тысяч евро на запястье.

Весь мой внешний вид и спутница кричат о том, что все, что нас сейчас окружает, это дно, а мы на вершине.

– Я очень рада, что электрики могут позволить себе сво-

дить свою девушку в ресторан. Но извините, это не мое дело. Вы будете делать заказ? А то мне нужно еще из воды убрать весь газ для вашей дамы сердца.

Какая острая на язычок, а еще я помню, как она умеет хамить и ругаться матом.

Может, к черту послать Милу и затащить Женечку к себе на квартиру? Вспомнить свои вынужденные осенние каникулы и наш горячий секс на скрипучей койке.

– Дорогой, вы знакомы? Почему официантка второсортной забегаловки позволяет себе такое? Какой электрик? Я не понимаю! Ты купил электрическую компанию?

Евгения выпрямляет спину, смотрит с вызовом.

Черт, на самом деле чувствую себя подлецом, но вроде никто не был против того, что происходило, и никто ничего никому не обещал. Мы взрослые люди, каждый получил свое.

– Мне нужен ваш управляющий.

– Для чего? – Девушка не понимает, сейчас она растеряна.

– Поговорить с ним о закрытии ресторана.

– Как о закрытии?

Еще немного, и в ее бездонных голубых глазах появятся слезы, но меня не должно это трогать.

– Я новый владелец этого заведения.

– Новый владелец? Тот самый Дымов? – Женя очень удивлена.

– Дорогой, ничего себе, когда ты успел его купить?

Мила поправляет шубку, накрывает мою руку своей ладошкой, Евгения следит за ее движениями, снова собирается.

– Я управляющий и совладелец, можете говорить со мной, господин Дымов.

Странно, что она работает еще и официантом, скорее всего, дела совсем плохи.

– Мой адвокат свяжется с вами в ближайшее время, и вы помните, что должны освободить помещение до Нового года? Так прописано в договоре. На все у вас ровно неделя.

– Но мы не можем так быстро. Я хочу выкупить его обратно, мне необходимо немного времени, чтобы найти нужную сумму, часть уже есть.

– Дорогой, а что здесь будет вместо этого паршивого ресторана?

Я все так же сижу, Женя смотрит растеряно, Мила не унижается. Не понимаю, откуда во мне столько жесткости? Но это бизнес, и если ты как владелец и управляющий не смог удержать свое заведение на плаву, то грош тебе цена как управленцу.

А еще я не верю женщинам, давно не верю их словам, слезам, улыбкам. Они так умело это делают, при этом вставляя нож в спину. Сначала они умоляют подождать, строят вот такие милые глазки, в которых стоят слезы, а потом кусают больно, как голодные гиены.

Я уже проходил это, мне хватило.

Теперь никаких чувств и эмоций, только секс.

– Куколка моя, а хочешь, я подарю его тебе?

– Мне? Ничего себе, дорогой, это так неожиданно. А я сделаю здесь бутик женского белья, обожаю белье, ты же знаешь.

Я знаю, потому что это за мои деньги она надевает на себя полупрозрачные тряпки, а потом предо мной же их снимает.

Пролог 2. Евгения. Декабрь

– И ты представляешь, он говорит мне, мол, вы должны освободить помещение до Нового года. Зла не хватает... напыщенный вонючий индюк.

Нервно размешиваю уже давно остывший кофе, бросаю ложку на стол, она с грохотом падает на пол. Смотрю в окно, на улице уже стемнело, идет снег, такой легкий и пушистый, мигают яркие гирлянды, красиво очень, но мне не до этого.

– А ты что?

Тома с аппетитом ест тирамису, отпивает глоток красного вина, смотрит вверх бокала на сидящего за соседним столиком молодого человека.

– Ты вообще слушаешь меня?

– Слушай, как считаешь, я не слишком старая для такого молодняка? – Кивает в сторону. – А то на днях курьер суши назвал меня на «вы» и добавил «женщина». Господи, меня чуть инфаркт не хватил, побежала искать капли, а потом вспомнила, что у меня их нет.

– Тома, ты женщина, поверь мне, тебе скоро сорок лет.

Не хочу разочаровывать подругу, но сейчас разговор обо мне, а не о ее молодняке.

– Печально. Так кто там у тебя был вонючим индюком?

– Новый владелец ресторана.

– Продала все-таки? Ты моя умница, эта дыра только тя-

нула из тебя деньги и нервы, худая стала, смотреть страшно, хотя сейчас это неважно, все носят безразмерные свитера и платья.

– Тома, это Слава продал! Продал мой ресторан! За моей спиной, пока я искала деньги, пока носом землю рыла. Он, тварь, все продал, подписал бумаги и даже не сказал мне. Этот ресторан – моя жизнь, мое любимое дело, я пятнадцать лет в него душу вкладывала.

– Ну, твой бывший всегда был дерьмом, только ты не замечала ничего, потому что пропадала здесь, в своем любимом деле, пока он тискал массажисток, маникюрш, а потом и официанток у тебя под носом.

– Но это незаконно, он подделал мою подпись, нужно согласие всех собственников. Я подам на него в суд, он что, этого не понимает?

– Он сейчас трахает ту официантку в Сочи, и поверь, ему глубоко по херу, куда ты на него будешь подавать.

– Ты откуда знаешь?

– Евгения Генриховна, есть такое явление в современном обществе, называется «социальные сети», тебе знакомо?

– Мне не до этого.

– Женя, ты меня слышишь вообще? – Тома повышает голос, приподнимается, щелкает перед моим лицом пальцами.

Яркая брюнетка с миндалевидными глазами Шамаханской царицы, Тамара Беридзе, моя школьная подруга и самый близкий человек. Ее никак нельзя назвать женщиной, а вот

я глупая баба, которая пахала, тащила на себе все, закрывая глаза на измены мужа. Пока в октябре просто не застучала его в койке с девицей, причем он даже не оправдывался.

– Забудь уже его, выкинь из памяти и жизни, захлопни дверь этого несчастного ресторана, где ты потратила лучшие годы своей жизни, и начни ее заново...

Томка умеет убеждать – она психолог.

– Женечка, милая моя девочка.

– Да какая я девочка?

– Ты не любишь себя, поэтому об тебя все вытирают ноги. – Теперь подружка говорит вкрадчиво, гладит по руке, заглядывает в глаза. – Сколько лет я тебе твержу: подумай о себе; со сколькими мужиками познакомила, отрывая их от своего сердца. Но ты, как курица-наседка, сидишь в этом «Ля Миноре», пытаясь возродить из пепла то, чего уже давно нет.

– Я не курица.

– Нет, конечно нет, ты прекрасная, красивая, голубоглазая натуральная блондинка, снежная королева в этом царстве замороженных полуфабрикатов.

– Тамара, прекрати свои сравнения, не до них.

– Я не знаю чего-то еще?

Поправляю волосы, снова смотрю в окно, снег все идет, совсем скоро Новый год, даже не знаю, что он принесет.

– Он был здесь.

– Кто?

– Тот, мой ноябрьский деревенский роман.

– Электрик с отличной эрекцией?

На Тамаркину шутку оборачиваются, она разводит руками, отпивает вина.

– Да.

– Чего хотел? Надеюсь, ты не оставила ему специально адрес и телефон? Нам электрики не нужны, ты теперь девушка свободная, нужно повышать планку, один бездельник у тебя уже был двадцать лет.

– Он олигарх.

– Кличка, что ли, такая?

– Нет, он настоящий олигарх, Владимир Дымов.

Достаю из фартука вырванный листок из какого-то бизнес-журнала, на нем фото мужчины в дорогом костюме, идеально сидящем на широких плечах. Темные с сединой волосы, стильная борода, внимательный взгляд, тонкая оправа очков, он серьезен и собран.

Подруга рассматривает помятый листок, быстро пробегаются по тексту, там ничего особенного, статья о слиянии двух компаний, банкете и планах на будущее.

– Шутишь?

– Я так похожа на шутницу?

– То есть ты хочешь сказать, что Владимир Дымов и твой сексуальный электрик, о котором ты мне рассказывала и лила слезы после стопки коньяка, один и тот же человек?

– Ничего я не лила, и не надо было тебе ничего рассказывать.

– Сейчас не об этом.

– Да, это он, пришел сегодня с девицей, ну, из тех, у которых загар никогда не сходит, и они ведут себя так, словно вылезли не из того же места, откуда все, а из золотой вагины богини. Пришел, мол, я купил у вас ресторан, будьте добры, освободите до Нового года.

– А ты что?

– Стою, обтекаю дерьмом, молчу. Что я могу? Денег никто не дает, все давно перезаложено, а Слава сказал, что моя доля – это его доля, так как он оставил мне квартиру, но при этом продал теткин дом. Твою же мать, как же я устала от всего.

– Что он еще говорил?

– Слава?

– Да гори твой Слава в аду. Дымов что говорил?

– Предлагал подарить мой ресторан своей маромойке малолетней, а она здесь откроет магазин трусов.

– Он что, не узнал тебя?

– Не знаю. Но мне кажется, ему было стыдно, что вот я такая – в фартуке официанта, а он весь лощеный, богатый, довольный собой. Противно было.

– Женька, это шанс, нужно встретиться с ним, напомнить о былом, о проведенных страстных ночах, слово за слово.

– Совсем ненормальная? У меня есть гордость и самолюбие. Но, блин, как все было складно и логично, как он хорошо играл и притворялся. – Хватаюсь за голову, смотрю в од-

ну точку. – Я ведь верила ему, да скажи он тогда, что богат, да мне было бы все равно.

– Жень, а ты вообще новости смотришь?

– Нет, у меня нет телевизора, Слава забрал.

– На него было два покушения. – Тома стучит острым ноготком по снимку из журнала. – Новости гремели на всю страну: конец октября, все решили, что вернулись лихие девяностые, середь белого дня снайпер, гильзы по асфальту, все залито кровищей.

– Сейчас он вполне живой... и тогда в деревне был тоже.

– Да, дела, конечно, странные.

Не думала, что будет так больно снова встретить его, а ведь я ждала, он не просил номер телефона. Я, как девочка-подросток, сама написала на бумажке и положила в карман его куртки, когда уезжал.

Я взрослая женщина, у меня куча проблем, жизнь рухнула, муж ушел, любимое дело продали, понятно, что это все не конец света и в моем возрасте жизнь только начинается.

Жизнь.

А вот это пугает больше всего.

– И еще знаешь что... Кажется, я беременна.

– От кого?

– От олигарха или электрика, не знаю уже.

Глава 1. Дымов. Октябрь

– Володя, я тебе говорю, место там шикарное, почти центр города, проходимость хорошая. Если из того, что есть, сделать конфетку, отбоя не будет.

– Я не ресторатор, да и купил уже один в сентябре, кстати, тоже тебя послушал. Теперь вот не знаю, что с ним и делать, надо кому-то поручить, чтобы занялся, а времени нет.

– Так купи второй, и будет филиал, я все шикарно придумал, ну не захочешь ресторан – сделай офис. Твоя строительная компания разрастается, людям нужно куда-то нести денежки, чтобы купить квартиры.

Ефим Петрович, развалившись в кресле, пьет кофе из маленькой чашечки, оттопырив мизинец с небольшой печаткой на толстом пальце. Выглядит комично, но ему идут такие понты, Шустов мнит себя аристократом в четвертом поколении. Всем рассказывает, как его прабабка имела интимную связь с каким-то князем.

Невысокий, полный, лысый, всегда в безупречно сидящих на его неказистой фигуре немислимых костюмах. Сегодня на нем замшевый пиджак кирпичного цвета, черные брюки, болотного цвета рубашка с оранжевым платком на груди.

– Дымов, я тебя когда-нибудь подводил? Тебе первому все самое лучшее в нашем городе и за его пределами. Кстати, как там Дарья, когда пополнение? Обещаю сделать королевский

подарок.

– Тебе, Фима, её муж ноги переломает за подарки, лучше не теряться, а то потом с гипсом ходить будешь.

Смотрю в окно: такая хорошая осень, сухо, солнечно, небо синее, – а на душе скверно.

– Так что, Владимир Сергеевич, купишь ресторан?

– Принеси бумаги, мои ребята почитают, что там да как.

– А что по нашему делу?

– Фима, ты опять за старое? Зачем тебе тот завод? Окраина области, глушь, все почти разворовано, работать некому. Ты антиквариатом занимаешься, не лезь из красоты в дерьмо. А там реально дерьмо – это молокозавод и ферма. Или ты решил сменить направление и податься в глушь?

Шустов ерзает в кресле, его маленькие, глубоко посаженные глазки сверлят меня насквозь. Станный он, знакомы лет пятнадцать, и все у человека какие-то причуды.

Знаю я, зачем ему это все нужно. Можно выиграть неплохой госзаказ, получить областные субсидии, пустить пыль в глаза о возрождении старого производства и увеличении рабочих мест. Но Фима ничего этого делать не будет, оформит все на левые лица, а деньги уплывут в его карман. Если, конечно, он задумал это, в чем я сомневаюсь.

– Значит, не продашь?

– Нет, Ефим Петрович, но был рад тебя видеть.

Шустов поджал полные губы, поставил чашку на столик, как-то странно посмотрел на меня, но тут же улыбнулся.

– Владимир Сергеевич, к вам Максим Анатольевич, говорит, дело важное, звать?

В кабинет зашла секретарь, Фима стал внимательно рассматривать девушку.

– Да, Олечка, зови. Фима, если у тебя все, то извини, дела.

– Слушай, а ты ее трахаешь?

– Кого?

– Олечку. – Фима кивает в сторону двери.

– Нет, Олечка очень ценный работник, я ей хорошо плачу, она хорошо работает.

Никогда не имел привычки заводить романы на работе, да никто и не пытается флиртовать с боссом, потому что он очень строгий и суровый.

Фима ушел, начальник службы безопасности компании Максим Анатольевич выглядел серьезно, я бы даже сказал – озадаченно.

– Что на этот раз, в машине нашли взрывчатку, под кроватью бомбу, а моя любовница носит пояс шахида?

– Володя, все гораздо серьезней, ты зря смеешься. – Максим смотрит внимательно, видно, что устал, под глазами темные круги. Мы с Савельевым ровесники, но он, как бывший военный, крепче и шире в плечах. – Я тут нарыл одну информацию, помнишь, после банкета и всей той истории с Марией в филиале на Кутузова ровно через день была кража? Мы решили, что шпана разбила окна, камеры. Внимание со всей той суетой не обратили. Но среди всего этого безобразия,

оказывается, был украден ноутбук одного из экономистов.

– А там его личные интимные фото?

– Вот если бы. Никулин Антон Иванович, ведущий специалист отдела аналитики, нам поведал через пять дней, что пропал его личный ноутбук, на котором он хранил рабочую информацию, причем ту, которую хранить там нельзя. А теперь вопрос, господин Дымов: тебе не кажется это странным?

– Да бред какой-то, что он мог там хранить?

– А ты вспомни, как две недели назад глюкнули серверы и пропало пятнадцать миллионов. А вечером твоя машина попала в аварию, якобы случайную. И это все произошло день в день. Но все персонажи настолько мутные, что еще разбираться и разбираться в этом.

– Про пятнадцать миллионов я помню, их ищут, у меня не такие тупые работники, а вот авария точно была случайна.

– Да, странный дед на допотопном «Москвиче» ехал на дачу, вез саженцы. Это из разряда фантастики. Ты когда последний раз видел «Москвич»? Дед включил идиота, мол, сынок, забыл очки. Мы проторчали там три часа, создав пробку. А в это время у твоего дома было странное движение.

– Грибники.

– В октябре? Ночи холодные, лед на лужах, грибы не растут в холод. Ой, да что я тебе объясняю, я против поездки в область, это сборище вообще никому не нужно, чем вы там

занимаетесь, письками меряетесь?

– Это называется «деловая встреча», влиятельные люди города и области решают важные вопросы, я не могу не поехать, Макс, все, не трепи мне нервы своими подозрениями. Давай так: ты охраняешь, я работаю, и мы друг другу не мешаем. А сидеть дома у камина – это не про меня.

Савельев долго смотрит, снова о чем-то думает, я перебираю бумаги, скоро совещание, а потом деловой ужин.

– Хорошо, но ты будешь делать то, что говорю я, и если скажу, что к той женщине тебе ехать не надо, значит, ты не поедешь.

– А при чем здесь мои женщины?

– Потому что я им не доверяю. Или тебе, Владимир Сергеевич, напомнить о зимних событиях? О Любви Михайловне и вашей самоволке?

– Не надо, все, иди, не мешай.

Сам не хочу вспоминать те дни, мое помешательство и очередную женскую ложь. Какие же они все-таки коварные существа – женщины, ради своей выгоды вывернутся наизнанку, придумают любую сказку. Но больше всего женщины любят деньги, они лучший посредник и отличный мотиватор для горячих встреч.

На телефон приходит сообщение: «Котик, я соскучилась».

У отправителя нет имени, только цифры, да это и не нужно, они все практически на одно лицо: Милочка, Дианочка,

Кариночка, молодые, загорелые, согласные на все, с пухлыми губами и длинными ресницами.

Деньги – вот что они любят.

Они все. Без исключения.

Глава 2. Евгения

Отвратительный октябрь.

На дорогах огромные лужи, в них грязные, опавшие с деревьев листья. Прохожие укрываются от дождя раскрытыми зонтами, а ветер пытается вырвать их из рук.

Для кафе, баров и ресторанов должна быть золотая пора, но этого нельзя сказать о нашем заведении. Официантки – две молоденькие студентки, принятые две недели назад, – хихикают в стороне, забыв принять заказ у посетительницы. Бармен лениво натирает бокалы, кажется, еще немного – и все здесь погрузится в спячку.

– Симона Марковна, рада вас видеть. Решили скрасить серые будни и побаловать себя вкусеньким?

Улыбаюсь милой старушке, знаю ее всю свою жизнь, мы соседи, она живет на третьем, а наша со Славой квартира на четвертом этаже. Старинный дом, архитектура города, почти центр. Кто-то скажет, что это так престижно, но это на самом деле несет одни проблемы и заботы.

Старые коммуникации, изношенная проводка, зашарканные лестницы подъезда, который уже назвать парадной, как в былые времена, язык не поворачивается. Все, что делают власти города, это пускают пыль в глаза, ремонтируя фасад и крышу, хоть на этом спасибо, и говорят, что все прекрасно.

– Здравствуй, Женечка, чего, думаю, сидеть дома, пойду

в любимый ресторанчик, а идти-то и недалеко. Пришлось, конечно, оставить Иосифа одного, но у него осенняя хандра, все время спит.

Иосиф – это кот, названный в честь Сталина и тоски по былым временам, хотя сомневаюсь, что она застала вождя всех народов живым.

Симона Марковна поправила на груди пышный бант, улыбнулась. И почему все старушки красят свои тонкие старческие губы яркой помадой? Может, и я, когда буду вот такая же сморщенная, начну носить парики, а на пальцах – массивные серебряные кольца.

Ой, да не приведи господь.

– Понимаю.

Хотелось добавить, что мой Славик тоже все время спит, но сравнивать мужа с котом и сочувствовать ему не вижу смысла.

Наш с ним ресторан с прекрасным названием «Ля Минор» вот уже пятнадцать лет находится на первом этаже нашего же дома. Симона Марковна – частая гостья, но с ее пенсией доктора наук она может себе позволить ходить и в более приличные места, за углом год назад открылся новый пафосный ресторан «Шаяпин».

– Так, и что у нас нового? Только, Евгения, бога ради, не предлагайте мне бизнес-ланч, это странное название все никак не укладывается в голове.

Смотрю в сторону, официантка Алена с кем-то переписы-

вається в телефоні, даже не поглядає на мене, усміхається – напевно, з парнем, інакше не поясниш її дураску усмібку.

Люда шепчеся з барменом, уложив свою масивну грудь на стойку. Короче, ніхто не працює.

Мені самій надо би зосередитися на роботі, продумати нову рекламу, меню, запуснути акції. В кінці кінців, почати продавати закуски к пиву і само його на розлив, щоб хоч як-то удержати на плаву бізнес. Но рідному чоловіку, видимо, на це наплевати, у нього, як у кота Симоны, хандра.

– Женечка, ви мене слухаєте?

– Да, Симоны Марковна, дозвольте запропонувати вам салат – руккола з тигровими креветками на грилі і сиром пармезан, а на гаряче – стейк трески.

– І бокал вина.

– Непременно, Симоны Марковна.

– І налейте собі, Женечка, ви дуже блідая.

А вот это выход: напиться и ни о чем не думать. Почему Славе можно, а мне нет? Потому что у меня есть чувство ответственности за то, что начала, за людей, что работают, за мечту, что начинает лететь с обрыва.

Больно думать, что всего этого может не быть, и больно слышать разговоры мужа о продаже ресторана, в который я вложила столько сил, денег, душу.

Мы пережили все: бандитские сходки и разборки, лихие свадьбы, два пожара, одно ограбление, нас даже закрывала санэпидемстанция. Но мы выжили тогда – и сейчас обязаны!

– Все будет подано, а девочки принесут вино.

– Алена, может, ты вылезешь из телефона и примешь заказ? Пара у окна уже ждет десять минут, так трудно подойти? И принеси белого вина за третий столик.

Подхожу к официантке, Алена смотрит слишком нагло, но ничего не отвечает, поправляет рубашку на груди, откидывает за плечо прядь завитых темных волос. Идет к столику, виляя бедрами, пряча телефон в карман фартука.

На девушке очень короткая кожаная юбка, высокие каблуки. Словно у нас не семейный ресторан, а круглосуточный бордель. И где только Слава находит такие кадры?

Отдав заказ Симоны на кухню, оборачиваюсь на звон дверного колокольчика: в зал входит мужчина, стряхивает с черного пиджака капли дождя. Высокий, худощавый, в руках портфель, он внимательно осматривает помещение, а я его.

Сердце сжимается в груди в предчувствии чего-то очень нехорошего. Мужчина уверенной походкой идет ко мне, я поправляю волосы, пряча вспотевшие ладони за спиной.

– Добрый день, мне нужна Берг Евгения Генриховна.

– Это я, чем могу помочь?

– Очень приятно, меня зовут Константин Игоревич, мы можем с вами присесть и поговорить?

Довольно приятный мужчина, мой ровесник, наверное, где-то около сорока, тонкая оправа очков, внимательный взгляд. Такими бывают юристы или адвокаты. Вот сейчас совсем нехорошо стало.

– Да, конечно, вот свободный столик.

Мужчина присаживается, достает из портфеля бумаги, снова смотрит на меня.

– Может быть, что-то принести?

Рядом появляется Алена с такой мерзкой улыбкой, что хочется заехать ей по голове вазой с цветами, что стоит рядом. Чтобы она сейчас провалилась сквозь землю. Вопросительно смотрит на мужчину, тот заказывает лишь стакан воды.

– Евгения Генриховна, я прошу вас ознакомиться с бумагами и уточнить сроки.

– Какие сроки?

– Сроки передачи помещения ресторана в собственность другому владельцу.

– Какому владельцу?

– Новому. Вот здесь четко прописано, что с этого дня и до конца года вы должны освободить данное помещение, находящееся по указанному адресу.

– Это что, такая шутка сейчас, да? Кто вы вообще такой?

Внутри начинает нарастать паника, да, у нас не совсем хорошие дела, но никто не имеет право приходить вот так и предлагать мне покинуть мой же ресторан.

Мужчина смотрит несколько секунд мне в глаза, качает головой:

– Вячеслав Иванович вам ничего не передал?

– Что должен был мне передать мой муж? – смотрю в упор, повторяя каждое слово по слогам.

– То, что ваш ресторан, а точнее, помещение, что он занимает, продан. Ваша подпись стоит под договором.

Глава 3 ДЫМОВ

Три недели не выходит из головы Шустов и его просьба купить тот чахлый завод. Он ведь еще два раза приходил – типа, шел мимо, заскочил к хорошему человеку. И как так у него получается ловить меня в офисе?

Надо бы зайти к нему в магазин, у Маши скоро свадьба, прикупить какую безделицу, чтобы помнила о папке. Вот и вторую дочку замуж выдаю, и все они, маленькие паразитки, выходят не за тех, кого я им сватаю.

Сначала Дашка притащила своего Вершинина из соседнего города, потом Машкин сам приперся оттуда же. Это я все, старый пень, хочу, чтобы девочки были пристроены в случае чего, мало ли что со мной может случиться. Хочу, чтобы ни в чем не нуждались, а им просто нужна любовь.

Господи, да какая любовь? Все в этом мире измеряется количеством нулей на твоем счету и толщиной кошелек. Мои дочери, конечно, могут себя позволить выйти по любви, но их избранники знают, что в случае чего яйца им в жизни не пригодятся.

– Милый, спасибо тебе огромное, даже не знаю, как и отблагодарить.

В салоне автомобиля тепло, тихо играет музыка, шофер смотрит на дорогу. Снова забыл, как зовут девушку. Карина? Камилла? Кристина? Совсем нет памяти на имена этих

практически на одно лицо, срисованные как под копирку девиц.

В ее больших карих глазах блеск, длинные ресницы, пухлые губки, она их постоянно облизывает, при этом убирая прядь длинных темных волос за плечо, показывая мне глубокое декольте и грудь без лифчика.

Этой ночью она неплохо так старалась, выгибала спину, стонала. Где там, она говорила, учиться? На театральном? Заметно.

– Это всего лишь телефон, ты же жаловалась, что свой разбился.

– Да, это так обидно.

А вот сейчас глаза грустные, она прижимает коробку с серебристым надкусанным яблочком к груди, ее ладошка лежит на моем бедре.

Сказал шоферу, чтобы купил телефон, пока мы обедали в ресторане, ну, мне не жалко, а вот девочке приятно. За это она мне сделает еще что приятное.

– Теперь все хорошо, не расстраивайся.

Она красивая, даже очень, но я, видимо, наелся такой штампованной красотой. В ней нет ничего настоящего, кукла с пухлыми губами, красивым и гибким телом.

Даже не знаю, сколько ей лет, но с такими, как она, проще, тут все ясно, ей нужны деньги, дорогие шмотки, поездки на море, походы в рестораны. Мне нужен секс.

Старею, ничего уже не радует.

– Как я могу тебя отблагодарить?

Девушка двигается ближе, ее ладонь ложится на мой пах, сладковатый аромат духов, губами ласкает мочку уха.

– Ты же умная девочка, разве не знаешь как?

– Конечно знаю.

И вот ее ловкие пальчики уже расстегивают ремень и ширинку брюк, трогают член, лаская его через белье. Водитель бросает взгляд в зеркало, но тут же отводит его, делает музыку чуть громче, мы стоим в городской пробке.

Освободив мой член, Камилла, Кристина – неважно, кто она сейчас, – лижет головку, обхватывает полувозбужденный член губами, сосет его. Прикрываю глаза, откидываюсь на сиденье, мне ничего не надо делать, этот умелый ротик сделает все сам.

Кто сказал, что любовь нельзя купить? Да, но кто-то скажет, что это не любовь, а секс. Не суть.

Сейчас она сосет за новый айфон, а если я позову ее замуж, то будет говорить всем, как любит меня, при этом получая деньги на шмотки и поездки.

Любя не меня, а мои деньги.

Девушка пытается запихать весь член в рот, но выходит плохо. Она облизывает его, дробит, помогая рукой.

– Он такой большой у тебя, я уже вся мокрая.

Открыв глаза, наблюдаю несколько секунд за ее работой, а потом, взяв затылок рукой, насаживаю до самой гортани на член. Она стонет, но не отстраняется, расслабляет горло,

пропуская меня глубже.

Чувствую, как она сжимает головку члена, как вибрирует гортань от стонов. По моему телу идут волны жара, а я, не останавливаясь и не сбавляя темп, трахаю ее глотку, вбиваясь по самые яйца.

Ты ведь, крошка, хотела отблагодарить? Вот, запомни, как надо это делать.

Долго не могу кончить, девушка всхлипывает, ее слюна стекает до яиц, намочив белье. Но когда сперма вырывается наружу, плотно сжимаю челюсти, замираю, извергаюсь потоками семени глубоко в ее глотку, заставляя проглотить все до капли.

Она пытается вырваться, но я не позволяю, лишь слегка ослабив хватку, даю возможность дышать. Оргазм короткий, как вспышка, давно уже такие, не приносящие того яркого удовольствия, что должно быть.

Умница, молодец девочка, глотает все до последней капли, куда она денется, за бабки стерпит любое обращение. Сука, ненавижу таких женщин, готовых лечь под любого.

– Напомни мне свое имя?

– К-к-карина.

Косметика потекла, помада размазана, она вытирает слезы и слюну с подбородка.

– Я сделал тебе неприятно?

– Нет-нет, все нормально. – Она устало улыбается, косится на водителя.

Да, он все это время был здесь и видел твой, скажу я, так себе минет.

Но как только я, заправив член в штаны, застегиваю ремень, происходит удар, машину кидает в сторону, Карина падает назад, я, удержавшись за подлокотник, остаюсь на месте.

– Вот же черт!

Снова удар, лопается лобовое стекло, машину крутит. Больно ударяюсь виском, нас заносит, еще один удар, но с другой стороны. Наконец останавливаемся, густой дым, в голове шум, и все плывет перед глазами.

Но даже так я слышу характерные хлопки, пригибаюсь. Карина без сознания лежит на сиденье, стаскиваю ее на пол, ложусь сверху. Водителя не слышно, я и не вижу, что с ним.

Шум нарастает, где-то воеет сирена, скрежет металла, снова хлопок. Заднее стекло осыпается мелкой крошкой.

Макс оказался прав, это уже не просто авария с пенсионером на дороге, это реальное покушение.

– Дьявол, – трогаю сонную артерию на шее Карины – живая, просто потеряла сознание от удара головой. – Гена, Гена, ты слышишь? – говорю громким шепотом, зову водителя.

Замолкаю, сквозь шум улицы слышу шаги, хруст стекла под подошвой. Нет, никто не посмеет убивать богатого и влиятельного человека в центре города в разгар рабочего дня.

Хотя практически все покушения так и происходят.

Шарю рукой под сиденьем, там должно быть оружие,

Макс мне показывал, а я, как обычно, смеялся над его предостережениями. Вот, теперь не до смеха. Матерюсь сквозь зубы, понимая, что тачка новая и в ней нет никакого оружия.

– Отошел в сторону, я сказал, отошел!

Резко приподнимаюсь, но вижу только, как Гена, держась за бок, пытается открыть искореженную дверь, при этом направляя свой пистолет через разбитое лобовое стекло. А вокруг, как назло, густой едкий дым.

Глава 4. Евгения

– Слава, ты вообще в своем уме? Ты здоров? Ты слышишь себя или тебе все слова транслируют из космоса маленькие зеленые человечки?

– Женя, не говори ерунды, никто мне ничего не транслирует. Это мое осознанное решение, я устал так жить... без жены, которая постоянно пропадает – все пятнадцать лет! – в дурацком ресторане.

– А раньше меня нельзя было поставить в известность, что ты решил все продать? Что заключил сделку за моей спиной? Ко мне приходит странный человек, ставит перед фактом, а когда я прихожу домой, чтобы поговорить со все еще законным мужем, его просто нет дома.

Кричу так, что звенит хрусталь в старинном буфете нашей, нет, моей кухни. Наплевать на манеры, которым меня до самой смерти учила бабушка. Наплевать на соседей, что могут слышать каждое наше слово. Меня бесит, меня трясет при одном виде Славы.

А он стоит, загорелый такой, ему чисто наплевать. Он продал мой ресторан, укатил с моей же официанткой в Турцию. Пил там из ее пупка текилу, слизывая соль с груди, и это всё видели в прямом эфире все подписчики этой профурсетки.

Как я это узнала? Увидела случайно у ее же напарницы в телефоне.

– Ты должна сказать мне спасибо, я избавил тебя от кабалы, от твоего, как ты говоришь, великого дела всей жизни. Зато нет никакого раздела имущества, квартира с машиной твои, я не претендую. Как джентльмен.

– Сука, паскуда ты, а не джентльмен.

– Ой, тебе не идет ругаться, ты же у нас аристократка хер пойми в каком колене, кто там у тебя... бароны в родственниках? Господи, если бы ты знала, как я устал столько лет слушать рассказы твоей бабки.

Смотрю на мужа и не узнаю этого человека. А может, я реально была слепа, витала в облаках, порхала, как глупый мотылек, в ресторане, не замечая настоящую личину человека с которым прожила много лет?

Мне было восемнадцать, когда мы познакомились. Веселый простой парень Славка, что приехал из дальнего Сибирского города покорять хоть не столицу, но крупный город-миллионник, не пришелся по душе родителям.

Профессора, доктора наук, кандидаты и прочее, прочее пророчили любимой и единственной дочурке другую партию и другое будущее.

Но дочурка оказалась упряма и влюблена.

– Это квартира моих родителей, а помещение ресторана тоже было куплено ими.

– Ой, Женя, давай не будем такими мелочными. Мы были уже в браке, и значит, это все совместно нажитое имущество.

– Ты всегда мне изменял? Все двадцать лет?

Задержала дыхание, глядя в лицо мужа. У нас всегда, как мне казалось, были хорошие отношения. Или мне все это казалось?

– Женя, не начинай, я пришел не ругаться, надо забрать кое-какие вещи, бумаги, мой ноутбук. Скоро зима, тут мой пуховик и сноуборд.

– Значит, изменял.

Не знаю уже, что является большим ударом. С какой стороны удара, нанесенного близким человеком в спину, нужно подойти? Продажа без моего ведома ресторана или все те отлучки Славы и его измены?

– Котов, это несправедливо, это бесчестно, понимаешь?

– Бесчестно не давать моему сыну мою фамилию. Бесчестно все решать самой, ездить в отпуск раз в десять лет, не выполнять супружеские обязанности. Вот это все, Женя, бесчестно! А то, что я хочу пожить в сорок лет как человек, как мужик, дееспособный мужик... А сын меня проймет, он взрослый.

– Но ведь мы обо всем договорились тогда, у Марка прекрасное будущее, фамилия деда ему только помогает.

– Да, у Марка прекрасное, и у меня теперь тоже, вот честно, не хотел скандала, но это нужно пережить и принять. Ты сейчас считаешь, что я предал тебя, но пройдет время, и скажешь спасибо.

– Да пошел ты!

Слава, все это время ходивший из одной комнаты в квар-

тире в другую, кидающий свои вещи в дорожную сумку, остановился, прижимая к себе яркий сноуборд.

Он очень привлекательный мужчина, ему всего сорок два, самый расцвет, высокий, крепкий, ходит в спортзал, в бассейн три раза в неделю. При условии, что он три года нигде не работает. Конечно, ему нужна женщина, полная сил, сексуальности, яркая, как Алена, на высоких каблуках и с торчащей как трамплин грудью.

– Женька, вот сейчас ты настоящая, когда кричишь, ругаешься, ну хочешь, ударь меня, подлеца такого. Ударь, выпусти пар, стань живой.

– Не хочу.

– А зря, быть дикой фурией тебе идет больше, чем замороженной рыбой.

Вот и нашлось мне определение за двадцатилетний брак.

– Слава, за что? Вот за что ты так со мной? Встретил ты другую, да скажи, мол, люблю, ухожу. Но зачем за спиной продавать ресторан?

Говорю спокойно, а у самой горький ком обиды в горле. Нет, я даже не об уходе и изменах мужа, а именно о его подлом поступке.

Ничего не ответил, просто продолжил собирать вещи дальше. Ушла на кухню, включила чайник, хоть совсем его и не хочется. Надо искать деньги и выкупить все обратно, если не получится, то зачем тогда надо было все начинать?

Отец тогда имел связи, а его дочь увлекалась рестораци-

ей, побывав в Италии через три года после рождения сына. В науку, как мечтал папа, дорога мне была открыта, но не тянуло и не манило. И чтобы его любимая Женечка не превратилась в домохозяйку, подарил помещение.

Но мне нравилось то, чем я занималась, я ездила на курсы, изучала рынок, что модно, какая кухня идет лучше, читала книги и ходила на мастер-классы. Я любила свое дело.

Но вот теперь любить будет нечего, а еще и некого.

Останусь я одна среди старинной мебели в историческом жилом доме с соседкой и ее котом Иосифом. Будем мы с Симоной вместе пить красное вино по четвергам и играть в преферанс.

Сын учится в Германии, ему девятнадцать, не виделась живую уже два года, у него все просто отлично, о чем он меня и заверяет каждый вечер. Муж ушел к официантке – ровеснице сына, – скоро ждать сторис, как они рассекают на горных вершинах топлес.

А я, Евгения Генриховна Берг, в свои почти тридцать девять лет осталась ни с чем. Чайник щелкнул, отключившись, за ним щелкнул замок входной двери.

Три недели не могла дозвониться до Славы, придя домой с бумагами о продаже, не застала его, а еще вещей. Он просто сбежал, ушел, не сказав ни слова. Элементарного объяснения за всю нашу долгую совместную жизнь я оказалась недостойна.

А в итоге я замороженная рыба.

– Том, он приходил, – звоню подруге, потому что больше не с кем поделиться всем, что накопилось внутри.

– Странно, я думала, он сдох.

– Тома, ну что такое ты говоришь, не сдох, даже загорел.

– Что говорит?

– Что я ему должна сказать спасибо, что не подал на раздел имущества, он взял свою долю как компенсацию за двадцать лет брака.

– Вот же скотина. А ему не до хера?

– Он продешевил, я видела сумму в документах.

– Еще и дурак.

– Но я найду денег и выкуплю ресторан обратно.

– Слушай, Жень, может, не надо? Там сама говоришь: проблем полно, клиентов мало, нужно менять оборудование. Собери все в кучу, продай, сделай новые титьки, и рванем в Доминиканку.

– Зачем мне титьки? Нет, ты не понимаешь, это вопрос принципа. Я найду, я уговорю нового владельца вернуть все обратно.

– Да, и заодно спасти редких животных от вымирания.

– Тамара, ты не психолог, тебе надо писать некрологи.

Бросила трубку, во мне сейчас столько зла, что готова свернуть кому-нибудь шею. Огляделась по сторонам, в этой квартире всегда было полно антикварных вещей, которые я знаю с детства. Но когда я пошла их проверять, то была в очередной раз неприятно удивлена.

В книжном шкафу отцовского кабинета не оказалось нескольких томов старинных рукописей, на столе и полках – статуэток, подаренных нашей семье, моему деду и прадеду, еще до революции.

Вот на какие доходы мой муж покупал себе дорогие телефоны, сноуборд, модные вещи, говоря, что это он просто удачно инвестировал деньги.

Обида захлестнула еще сильнее.

Вот же тварь какая, ну чтобы тебе поперек задницы встал сноуборд.

Глава 5. ДЫМОВ

– Макс, чем порадуешь?

Савельев морщится, крутит в пальцах зажигалку, нервно стучит ногой:

– Вот не поверишь – голяк. Ничего. Не одной зацепки, хоть тресни.

– Так ты и треснешь, если не нароешь информацию и не найдешь того, кто меня заказал. Это уже даже мне не смешно, когда, можно сказать, в час пик в центре нашего города мою машину подрезают, а потом еще обстреливают, и это на камерах, на глазах десятка прохожих.

Встал, прошелся по палате, за окном идет снег. Только конец октября – и уже снег, что будет дальше – неизвестно.

– Вообще, зачем я здесь? Со мной все хорошо. Как Гена? Вот единственный герой в этой истории.

– Гена в тяжелом состоянии. Все такие герои кончают плохо, мог и не вылезать, исполнителя и так бы спугнули сирены, а он ушел, еще и раненный. Слушай, а тут можно курить?

– Это частная клиника, тебе можно, кури, нервный ты мой начальник службы никчемной безопасности.

Да, Макс нервничает, я, конечно, тоже малость струхнул, как увидел Гену, залитого кровью, человека с банданой на лице и ствол, направленный на водителя, а затем на меня.

Кто скажет, что это все ерунда, да не поверю в его храб-

рость. Это только в кино крутые мужики ничего не боятся и лезут под пули, а в жизни эти несколько секунд показались часом.

– Володя, у меня есть план, но он тебе не понравится.

– Зачем тогда нужен этот план? Ты должен искать хотя бы исполнителя, я что, мало всем плачу?

– Ребята работают, проверяют больницы, частные клиники, полиция подключена, это в их интересах, вот с прессой дела не очень, тем лишь дай повод, начнут трубить на всю страну.

Макс, приоткрыв окно, глубоко затянулся, выпустил дым, да так вкусно это сделал, что захотелось самому курить, хоть бросил лет пятнадцать назад.

– А ну, дай мне, никаких нервов не хватит.

Отобрал у него сигарету, никотин обжег горло, проник в легкие, через пару секунд проникая в кровь, даже с непривычки повело в сторону.

Савельев не стал спорить, прикурил новую сигарету:

– План у меня.

– Ну, давай уже выкладывай, раз других идей нет.

– Спрятаться тебе надо.

– Это как?

– На две-три недели, пока все немного не уляжется и дадут спокойно работать.

– И куда это меня, большого дяденьку, ты решил спрятать? Вьетнам? Пакистан? Америка?

– Нет, выезжать нельзя.

– Слушай, у меня в доме шикарный винный погреб. Может, я там палатку поставлю? Вообще-то, у Маши скоро свадьба, у меня контракт с австрийцами, Даша должна родить.

– Значит, свадьбу ради любимого папки перенесут, контракт заключат Вершинин и этот Машин жених, он вроде парень толковый, сам говорил.

– А Дашу попросить подождать рожать?

– Не смешно. Вот тут никак, да ты там и не нужен, без тебя справятся точно.

– Никто и не смеется, я уже рыдать готов над твоими идеями.

– А то я был неправ? Устал проверять всех твоих девок. Господи, где ты только их находишь?

– Они сами находятся.

– План такой: господин Дымов якобы остается в больнице в тяжелом состоянии, с ранением, под охраной. Эту роль возьмет на себя Гена, а ты отсидишься в небольшой деревушке на краю области. Будет время подумать, подышать свежим воздухом, считай, что у тебя отпуск не на курорте с красотками, а такой экотуризм. Но не высовываться, внимание не привлекать, хотя там домов тридцать, не больше, и все пенсионеры. Короче, не сверкать айфоном и дорогими часами и, конечно, никому не говорить, кто ты на самом деле.

– А они там совсем безграмотные, телевизор не смотрят и не узнают?

– Если ты лицом светить не станешь и лишний раз высываться, то никто и не узнает. В глубинке люди простые и, скажу мягко, небогатые. Они люто ненавидят всех буржуев и богачей. Так что лицо береги точно.

Смотрю на Савельева и удивляюсь, как складно он все придумал.

– И ты решил, что я подпишусь на этот экотуризм, спрячу голову в снег, зарююсь в глуши, когда дел по горло? У меня киргизы хотят увести из-под носа классный комбинат, мои юристы бьются за него второй месяц.

– Ты жить хочешь или комбинат у киргизов перехватить? Ты внуков своих хочешь растить? Я не понимаю, что ты за упертый такой баран! Хочешь пулю словить? Так давай пошли, выйдем и погуляем, может, сейчас как раз тебя там ждут.

Макс повышает голос, смотрим друг на друга с вызовом. В чем-то он и прав, умирать совсем не хочется. Дочки выросли, у них уже своя жизнь, только у меня как-то бездумно все в этом плане, не нужен никто, а вот жить после таких покушений все равно хочется.

Делаю последнюю затяжку, выбрасываю сигарету в окно, снег все идет, покрывая дороги белой пеленой, в деревне, должно быть, вообще красота.

– Допустим, я соглашусь на эту авантюру, но говорить девочкам, что я лежу в тяжелом состоянии, нельзя. Маша двери здесь вынесет, а Дашке вообще расстраиваться нельзя, на-

верняка уже новости смотрели.

– Их я уже предупредил, чтобы не приезжали сюда и не давали никаких комментариев журналистам.

– Какой ты шустрый, я смотрю, ты бы так киллера моего искал.

Макс сам выбросил сигарету, в глазах появился блеск, вот так и хочет меня упрятать куда-нибудь, чтобы развязались руки. Чувствую, как его тянет повоевать.

– Я две недели назад домик один приобрел по небольшой цене – как в воду глядел, что нужна будет любимому шефу база отдыха. Вот туда и поедешь, как стемнеет. Ребята найдут неприметную машинку, я принесу одежду и все сопутствующие принадлежности.

– Ты странный человек, Савельев, ты бы видел себя в зеркало сейчас, чистый маньяк.

– Не думал, что ты так быстро согласишься. Был готов улаживать долго, как барышню.

– Далеко эта база отдыха для олигархов?

– Да нет, какие-то четыреста километров на север. – Улыбается во весь рот, достает еще одну сигарету, прикусывает ее губами. – И учти, об этом никто не будет знать, кроме проверенных людей.

А мне так прямо и хочется треснуть по его довольной морде.

– И долго там загорать?

– А это уже как получится.

– Ты мне смотри, не получится – уволю с позором.

Глава 6. Евгения

Все эти дни, как могла, успокаивала себя. Я взрослая, культурная женщина, воспитанная в интеллигентной семье. Но как же порой хочется ругаться матом и проклинать Славу за его мерзкий поступок. А еще ругать саму себя за то, что была глупа и наивна.

– Мне надо уехать на день, максимум два.

– Это далеко ты собралась, подруга?

Тома сидит в кресле, опустив ноги на пуфик, обитый шелком, кстати, восемнадцатый век. Как Слава его еще не упер? Надо, как вернусь, сменить замки. Тамара красиво отпивает кофе из маленькой фарфоровой чашки, она вообще все всегда делает красиво: есть, ругается, говорит пошлости.

– Рядом тут, в области, там дом теткин. Не представляешь, случайно нашла документы на теткин дом, а я о нем уже и забыла.

Прошло три недели, как Слава собрал часть своих вещей, сноуборд, ноутбук, купленные я так понимаю на вырученные деньги с продажи ценных вещей из моей квартиры. Хлопнув дверью, ушел в свое светлое будущее. Не могу простить и принять все это. Так не делают, так не поступают люди с людьми, это так низко и подло.

– А как же ресторан? На кого ты оставишь дело всей твоей жизни?

– Вот, Тома, совсем не смешно, Федор присмотрит, за сутки ничего с ним не случится.

– Федор – это такой маленький, лысый? Твой управляющий?

– Да.

– Ну, он забавный, налицо десяток детских комплексов. Он ведь не женат?

– Вроде нет.

– И живет с мамой.

– Наверно.

– Он в тебя влюблен.

– С чего ты взяла?

– А сама не замечаешь? Господи, Евгения Генриховна, как вообще ты живешь?словно мотылек в стеклянной банке. Мужик по ней сохнет который год, а она не видит. У тебя трусики там, нижнее белье не пропадало?

– А это зачем? – Смотрю на подругу: так, включила психолога, я у нее любимой подопытный кролик, да и прекрасно понимаю, к чему она клонит, не такая я бестолковая.

– Ну, фетиш такой, онанирует там дома у себя в твои кружевные трусишки, наверное, еще и фото в портмоне носит.

– Ну тебя, Федор исполнительный и надежный, он со мной уже пять лет работает, на него можно положиться.

– А вот он бы вместе с тобой полежал бы под одним одеялом. Так что там за дом? Большой, красивый? Ну, вообще, сейчас модно иметь усадьбу в глубинке, что-то в этом есть

из старины. Кони, пасущиеся козы, а крепостные собирают рожь. – Тамара мечтательно вздохнула, прикрыв глаза.

Села напротив, посмотрела в окно, на улице валит снег. И как ехать по заснеженной трассе? Надо еще машину заправить и выдвигаться, а то до ночи не доберусь.

– Слава воровал из дома вещи – те, что, конечно, имеют ценность.

– Да ты что? Вот же говно какое!

– Господи, Тамара, как ты выражаешься? – Я поморщилась, отпив свой кофе.

– А как я могу еще его назвать? Редиска? Говно и есть, ты одна не замечала, какой он, так сказать принюхалась.

– Так чего же ты, любимая подруга, глаза не открыла мне на него раньше? Мол, вот на, Женя, смотри, какой твой муж и чем занимается.

– А ты бы так взяла и поверила?

– Почему нет?

– Потому что ты ничего не видела, кроме своего ресторана, Славочки, а еще Марка. Ты пойми, подруги существуют не для того, чтобы открывать глаза и поливать грязью того, кого ты сама выбрала, а для того, чтобы вместе с тобой принять этот выбор и быть рядом, когда ты сама все увидишь. Это должно быть твое осознанное решение и только тобой сделанные выводы.

Тамара права, скажи мне она о Славе хоть слово еще год назад, я бы не поверила, да она и говорила, точнее, намека-

ла и открыто презирала его. У них эта «любовь» с теперь уже почти бывшим мужем взаимна с самого знакомства. Но тем не менее подруга всегда была рядом и поддерживала, как могла.

– Надо на развод подать, но это уже как вернуться.

– Может, с тобой поехать? Купим у местных самогона, помянем, так сказать, Котова, твое супружество. Жуть как люблю праздники.

– Совсем ненормальная? Нельзя так.

– Верно, нельзя, на него и самогона жалко. Слушай, у меня тут одна клиентка, очень состоятельная женщина, у нее муж генерал, так вот, начал он ходить по бабам, она пошла к бабке-ведьме. Заплатила кучу денег, сделала так, чтобы у генерала не стоял его солдатик. Надо будет адресок той прекрасной женщины у нее спросить – вдруг пригодится?

– Ну и? Помогло?

– Естественно, говорит, забегал по врачам, а потом уехал на сборы в Магадан.

– И зачем ты все это рассказываешь?

– Я психолог, моя задача – слушать и поддерживать, а где надо, дать нужный совет. Но в большинстве случаев все ответы – они на поверхности, человек сам знает, как поступать, но боится сделать шаг и изменить свою судьбу.

Люблю свою подругу, она такая разная, вот всем дает советы, как жить, а сама не замужем и не в отношениях.

– Слушай, Женька, тебе надо мужика, чтобы вот клин вы-

шибать клином. Чтобы такой был, рядом с которым Котом и рядом не валялся.

– Снова твои дикие фантазии, Тома, прекращай, мне не до мужичков, мне надо съездить в деревню, сфотографировать дом с участком, выложить объявление и продать все это наследство тетушки. Спасать ресторан! Может, еще есть время выкупить его обратно.

– А лучше, чтобы был иностранец. Я раз в Италии сижу в кафе, подкатывает дяденька – лет сорок, легкая седина на висках, на шее красивый платок, пиджак. И как давай вливать мне в уши что-то на своем, да так красиво – закачаешься. Мне казалось, я текла, когда слушала его...

Закатила глаза, представляя, что Томка расскажет дальше.

– Так вот, провели мы с ним ночь, естественно, у меня в номере. Прошел день, этот словоблуд пропал, и вижу я его снова, но на другом конце города. А он там уже другой бабенке льет в уши. Стало как-то обидно, ну, не то чтобы я рассчитывала на продолжение, на тройку с плюсом он тянул, и это за старание.

– И что ты сделала?

– Занялась сексом с молодым официантом, он говорил мало, точнее, вообще молчал, но отжахал меня так, что колени тряслись. Так что тот твердый троечник остался жалкой тенью в сравнении с отличником Франческо.

– Тамара, а ты не спишь с клиентами?

– Нет, нельзя, лицензию отберут.

– А хотелось?

– Честно? Было раз, год назад, мужчина взрослый, в нем чувствовалась сила именно мужская, энергетика, конечно, бешеная была у него. Мне нужен именно такой, чтобы укротил мой грузинский нрав, доставшийся от папы.

Подруга задумалась, продолжая смотреть в одну точку. А вот такой Тамару я не видела очень давно.

– Так ты присмотришь за Федором и рестораном, ну, мало ли что, заглянешь вечерком?

– Загляну, только ты давай быстрее, я долго не вынесу Федора и твоих тупых официанток.

Быстро начала собираться, побросала в дорожную сумку пару теплых вещей, смену белья, косметичку с расческой и зубной щеткой, полотенце. На всякий случай нашла на кухне зажигалку и бутылку коньяка, водки не было, в деревнях алкоголь – это самая лучшая валюта.

Надела джинсы, свитер, достала зимние угги, пуховик – все-таки на север еду, кто знает, что там с погодой. Проверила наличные деньги, должно хватить, еще зарядник для телефона.

– Пойдем, провожу тебя, но затея, конечно, с деревней странная у тебя. Как хоть называется она, где искать-то тебя, везучая?

– Нижние Камыши.

– А есть еще Верхние?

– Наверное.

– А трусы ты порядочные надела?

– Обычные трусы, Том, что за вопросы?

– Да и правда, кому ты там нужна даже в красивых трусах?

Думаю, рассчитывать на запоминающийся секс и случайный роман опрометчиво, если только с механизатором.

Глава 7. ДЫМОВ

И зачем я только согласился на эту авантюру?

Но Савельева было уже не остановить, он как одержимый принялся рассказывать мне суть деревенского быта, что нет ничего сложного, главное – не высовываться и сидеть на жопе ровно.

Да кого он вообще принялся учить? Словно я в деревне никогда не был и не видел стайку для скотины и кучу навоза. Я, конечно, житель городской, но у меня, как и у многих, жила родня в деревне, куда меня, как всех советских детей, отправляли на лето.

Машка вот сама летом так отдохнула, что притащила оттуда жениха, хорошо, не местного, а тоже отдыхающего. А я все опасался, что ей на курортах кто голову вскружит, оказалось, не того я боялся, да и мои олухи недоглядели.

Ладно, все хорошо, что заканчивается свадьбой. Маша, конечно, сопела в трубку, я сам нарушил правила и позвонил дочери. Она девочка у меня умная, все понимает и не станет в такой странный и непонятный для папки момент устраивать свадьбу, ничего, потерпят, молодые.

Макс вручил мне дорожную сумку, из дома привез половину вещей, что я написал ему в списке, остальное заменил другими. Оказывается, ему не понравились мои зимние ботинки, слишком приметные они, поэтому я сейчас счастли-

вый обладатель непонятно чего, что носит название «чуни».

Мою туалетную воду отобрал тоже, заменив ее более скромным парфюмом, а еще придумал легенду, сказочник хренов, что меня зовут Владимир Ткачев и я электрик.

Кто вообще будет спрашивать там мою профессию? Зайцы в лесу?

Вышли из клиники словно в шпионском кино – ранним утром, когда еще было темно, мне вручили сумку, ключи от видавшего виды автомобиля марки «Шевролет Нива» с заляпанными номерами.

– Ничего приличнее не было?

– Ты сейчас электрик, а не олигарх в десятке богатейших людей страны, запомни и повторяй это всю дорогу, вживаясь в роль. Слушай, Володя, ты хоть шарипь что в электрике? А то, может, надо было просто в шоферюги записать?

Савельев прыснул в кулак, сдержал смех, вот нет, чтобы носом в землю, как бульдозер, искать моих врагов, он угорает над собственным шефом.

Но Максу можно, я могу положиться только на него, он и друг, и брат, и был лучшей нянькой для моих девочек, когда они так нуждались в папке, а тот ковал железо, строгал капусту и нагибал конкурентов.

– Электриком нормально, руки у меня растут откуда надо. Но тачку мог и приличнее найти.

– Самая приличная, что была, себе хотел оставить, на рыбалку ездить, но с тобой разве куда съездишь – то одно, то

другое. Ты и на пенсию уйти не дашь.

– Хорош ныть. Туда уйдем вместе.

– Так, все, запоминай, в навигаторе все забито, едешь ровно, как он показывает. Деревня называется Нижние Камыши, улица Первомайская, дом семнадцать, в бардачке ключи и все документы, а еще наличные деньги. В багажнике пакет с едой, консервы, картошка, водка.

– О, ну хоть не так тоскливо будет.

– Да, есть время подумать над смыслом жизни, и я тебя прошу, не свети телефоном и много не говори.

– Там что, люди не знают, что такое сотовая связь?

– С местными не шоркайся, народ в глубинке подозрительный, это с виду открытый.

– Мне что, совсем из дома не выходить?

Но Савельев будто и не слышит меня:

– Всё, время, я буду следовать за тобой, провожу до места, на машине маячок, и не спорь, так надо. Ты сам понимаешь, никому, кроме себя, я не доверяю.

Так и ехали все четыре сотни километров, я впереди, Макс сзади. За городом настоящая зима, под конец октября столько выпало снега, что казалось, уже январь. Но когда солнце вошло над верхушками голых деревьев, снег заискрился под его лучами, что я как ненормальный ехал и улыбался такой красоте.

Вот сидишь в своем офисе и ничего вокруг не замечаешь, так и жизнь проходит между вылетами, совещаниями, поезд-

ками на встречи и слеты, а еще однообразными, похожими одна на другую женщинами.

Не хочу вспоминать, что было почти год назад, но мысли сами лезут в голову, шины гудят по трассе, в зеркале заднего вида маячит Макс.

Ее звали Люба, Любовь, милая молодая женщина, светлые волосы, стильная прическа, голубые глаза. Столкнулся с ней, выходя из бизнес-центра, она поскользнулась на высоких каблуках, упала, не успел ухватить.

Заплакала так искренне, смотрела мне в глаза, а у самой по щекам текли слезы. Не мог не пригласить на ужин, хотя график был плотный, да она и сама отказывалась, говорила, что не может, что спешит домой в другой город, что ей очень тяжело, недавно ушел из жизни ее любимый мужчина.

И вот именно тогда, наверное, меня это и подкупило, она не пыталась понравиться, смущаясь, смотрела в глаза, ну я-то, уже матерый волк, был уверен, что сумею отличить фальшь от правды.

Никому не сказал о ней, даже водителю, что возил меня тайком от Савельева и дочерей в соседний город, велел молчать. Сейчас я понимаю, что Люба была отличным психологом и знала все мои слабые места наизусть, но тогда я был очарован, видел в ней родственную душу.

Мы вместе потеряли любимых людей, мы оба нуждались в общении и поддержке, она много говорила о своей жизни, как ей тяжело и как больно быть одной.

Это был запрещенный прием, а меня повело окончательно, я поверил, был слеп и наивен, ничего не замечал вокруг. Пока мой же будущей зять не показал истинное лицо этой женщины.

Детективная, конечно, вышла история, в очередной раз убеждаешься, как тесен и жесток мир. Оказывается, Любовь Михайловна Шумер не была так проста, как мне, наивному дурачку, который за много лет наконец поверил женщине, показалось. Каждое ее слово, движение, действие было продумано до мелочей.

Она бы не прокололась, если бы ее безвременно ушедшая любовь не была отцом Дашкиного будущего мужа. Савельев не зря мне напоминает тот случай, когда одна ушлая дамочка захотела хорошо жить обманом.

До меня Люба как раз облапошила и обобрала до нитки отца Вершинина, а потом подкатывала к нему, предлагая сделать ей ребенка, но при этом сказать, что она забеременела от меня.

Сам виноват, расслабился, доверился, открылся, а нужно быть всегда начеку, не верить никому, кроме проверенных людей, а женщинам тем более.

Глава 8. Евгения

Зря выехала так поздно. Пришлось снова зайти в ресторан, Федор позвонил, что-то там случилось с холодильником. Ну что я вообще понимаю в холодильниках?

Пока ждали мастера, Тамара ела чайной ложкой мозг моего управляющего, который то краснел, то бледнел, то вытирал лысину от пота носовым платком. А Тома все не унималась с расспросами о его интимной жизни и куда он поведет женщину заняться сексом, если дома мама.

После прихода мастера и его вердикта, что одному из холодильников хана, стало совсем грустно. Потом, как назло, повалил снег, на выезде из города образовались пробки.

И что за странный парадокс – как дождь, снег и или еще какое природное явление, так жизнь парализуется. На заправке проторчала сорок минут – то заглохла впереди меня стоящая машина, то именно на мне, как по заказу, завис платежный терминал.

А когда уже выехала на трассу, плелась позади лесовоза. Снег лип на щетки, радио хрипело и не могло поймать волну, а мне казалось, что, прибавь я скорость, начни обгонять грузовик, начнется светопреставление. Словно я попала в «Пункт назначения», вторую его часть, где срывает цепь и огромное бревно летит в водителя, а того размазывает по дороге с мясом и кишками.

И что за дурасть только лезет в голову?

Лесовоз все-таки удалось обогнать, но там дальше была фура с пивом – это было ясно по известной марке – и, как по заказу, авария и длинная вереница машин, которую раскидывали по полосам сотрудники ДПС.

Мелькнуло желание развернуться на половине пути, но папа, будь он жив, не одобрил бы такой поступок дочери. Для него, ученого, который всегда отстаивал свою точку зрения, тем самым добиваясь признания коллег, совершая открытия в области физики, твердость характера была на первом месте, а еще долг, честь и совесть.

Хорошо, что он не дожил до того позора, что устроил Слава, что не видит его воровства и подлости, ушел десять лет назад. А у моего мужа, как оказалось, нет ни чести, ни долга, ни тем более совести.

Гори он в аду на доске сноуборда.

Прибавила газа, включила дальний свет, начало темнеть, сумерки – вообще самый опасный час на дороге. Живот скрутило от голода, нашла в бардачке шоколадку, надо было хоть продуктов купить, а то еду словно в гости, а там давно никто не ждет.

Мы были со Славой в той деревне несколько раз, там красиво. Помню невысокий забор бирюзового цвета и широкое крыльцо с массивной деревянной дверью. Дом номер семнадцать по улице Первомайской, название даже запомнила.

Это дом моей тетки по маминой линии, их было две сест-

ры – Лаура и Муза, странные имена для российской глубинки военных лет. Они родились в сорок втором, мать – фельдшер, отец – военный врач, приехал на побывку, но обратно к жене не вернулся: санитарный эшелон попал под бомбежку.

Было трудно, но девочки выросли, получили образование, моя мама, Муза, встретила моего отца на кафедре в институте, Лаура вернулась в деревню после учебы, так всю жизнь и работала ветеринаром на ферме.

Ее нет уже три года, дом остался, а я вот еду и думаю, что жалко его продавать, но без ухода совсем обветшает, еще неизвестно, что с ним стало за это время.

Задумалась, чуть не проехала нужный поворот с заляпанным снегом и грязью указателем «Нижние Камыши». Мой несчастный «Ниссан Жук» совсем утопал на нечищенной дороге, еле полз по разбитой колее, а снег повалил с новой силой.

– Да чтоб тебя. Ну, давай, мой хороший, давай.

Давлю на газ после очередного поворота, улица Первомайская на самом краю деревни, где нет ни одного фонаря. И вот что я буду делать, если сяду сейчас пузом? Даже не знаю, куда идти и кого звать на помощь.

А мысли – они материальны.

Так и есть, колесо совсем ушло в сугроб. И зачем погода решила так меня наказать? Зачем осенью, тридцатого октября, так много снега? Погазовала еще несколько минут, понимая, что бесполезно. Устало опустила голову на руль, но мне

не дали даже поплакать от обиды – зазвонил телефон.

– Ну, как ты? Добралась? – Тамара что-то жевала, фоном играла музыка.

– Да почти, машина застряла, пойду пешком до дома.

– Ты хоть знаешь, куда идти? А фонарик взяла? Смотри, в таких местах полно бродячих собак, разорвут на воротники мою непутёвую подружку.

– Умеешь ты вселить оптимизм! У тебя клиенты суицидом не кончали жизнь?

– Суицидом – нет, бог миловал. Зря я с тобой не поехала.

– Все нормально, я взрослая женщина и должна сама решать свои проблемы. На случай бешеных собак у меня есть электрошокер.

– О, да ты опасная дамочка. Ну, давай отпишись там, как что, я тут Федору промываю мозг, даю настрой не воровать твои труссы.

– Не наговаривай на Федора и не прессуй его, а то уволится. У меня и так текучка кадров, – то повар в декрет уйдет, то официантка перед моим мужем ноги раздвинет.

– Он не уволится. Я тебя умоляю, Федя прикипел к тебе всем сердцем, но мне, как подруге, надо оградить тебя от этого странного субъекта. У меня есть одна клиентка, в научной библиотеке работает, думаю, их надо познакомить. Это будет пара года: задрот и заучка. Все, мать, не пропадай, телеграфируй, я жду.

Тамара отключилась, я, собрав свои вещи, положила в

карман электрошокер, который на самом деле у меня был. Закрывает свою машинку и пошла искать дом под номером семнадцать сквозь пургу и метель, как падчерица, посланная злой мачехой за подснежниками.

Глава 9. ДЫМОВ

Чтобы найти нужную улицу, надо было еще постараться. Навигатор привел не туда, машина уперлась в редкий забор, за которым немолодая женщина в цветастом халате выливали за угол ведро с грязной водой.

Потом она долго смотрела, как я разворачивался, но у меня даже мысли не возникло выйти и спросить у нее, где в этом «чудном» месте дом под номером семнадцать по улице Первомайская.

Дама не вызывала абсолютно никакого доверия, к тому же небо снова заволокло тучами, повалил снег. Кое-как развернувшись и чуть не въехав в столб, вернулся к центральному перекрестку.

Хотелось остановиться и пойти уже пешком, от многочасового сидения и напряжения за рулем с непривычки отекли все части тела. Надо повысить зарплату своему шоферу и дать премию за храбрость, а еще на курорт отправить за подвиг, пусть отдохнет.

– Ну, где же ты, родимая? Давай, бестолковая пластиковая коробочка, веди уж нормально.

Навигатор уже в пятый раз оповестил меня, что маршрут перестроен, хотя и без него можно было догадаться, куда ехать: путь остался один.

Что удивительно, в разгар дня на улицах деревни наро-

ду не было ни души. Не считая той тетки с ведром помоев и двух мужиков, проводивших мой «крутой» автомобиль взглядом у магазина с названием «Василек».

Какая прелесть! Мужики в телогрейках считали деньги, застыли на несколько секунд, но вновь вернулись к своему занятию. Около них терлись три собаки неизвестной породы, задорно виляли хвостами, они проводили меня громким лаем.

Да уж, континент тут колоритный. Савельев говорит, что около тридцати домов, интересно – жилых или просто домов?

Размышлять было некогда, наконец прочел табличку с улицей Первомайской. Дом под номером семнадцать оказался как раз предпоследним, за ним были только обгоревший забор и ровная кирпичная труба, возвышающаяся на пепелище, дальше только лес.

Да, не повезло жильцам. Пожар – дело страшное.

Недавнее приобретение Савельева имело вполне нормальный вид, я хоть и прожил полвека, но по специфике своей работы в таких домах понимаю мало. Ставни закрыты, крыльцо заметено снегом, на калитке только проволока вместо замка.

– Ну, Макс, ну, встречу я тебя, огребешь за свою самостоятельность.

Достал из бардачка связку ключей, вышел из машины, потянулся, хрустя суставами, открыл калитку. Снег приятно

хрустел под ногами, а еще валил сверху огромными хлопьями.

Дом внутри оказался не таким и заброшенным, как я думал, видно было, что здесь недавно были люди, прибрано, на полах цветные половики, на окнах занавески.

Русская печь, большой обеденный стол, вдоль стены лавка, современный холодильник и радиоприемник на нем. Дальше дверь в комнату с высокой панцирной койкой и горой подушек на ней, в углу телевизор. На стенах черно-белые фотографии в рамках: женщины, мужчины, дети – чья-то целая жизнь, запечатленная на пожелтевших от времени снимках.

– А вот тебе, добрый молодец, и пуховая перина. Надо найти баню.

Даже настроение поднялось, когда ее обнаружил за домом, ничего, что небольшая, но вполне пригодная, дров много, нужно только воды натаскать.

Пока загонял машину на участок и заносил пакеты с купленной мне провизией в дом, был снова удивлен, когда обнаружил пять бутылок водки, три коньяка и четыре вина.

Мои вынужденные каникулы обещают быть нескучными.

Покрутил в руках телефон, что мне выдал Максим, оставив мой в больнице, а сам говорил, чтобы не светил дорогим гаджетом, да тут и светить нечем, конспиратор хренов.

«На месте».

Отправил ему сообщение, друг ответил кратким: «ок».

Да, давно я так не отдыхал, зато есть над чем подумать и, может даже, разобраться, понять, кому я стал так неуместен. Кто в открытую идет на убийство? Кому и так терять нечего? Конкуренентов, конечно, хватает – в большом бизнесе большие ставки. Сразу не припомнишь, кого разорил или у кого из-под носа увел хороший контракт.

Хорошо, что за водой не пришлось ехать на колонку, несколько пластиковых бочек стояло в сенях.

За заботами о хозяйстве наступил вечер, радио чуть слышно играло на холодильнике, банька топилась, печь за-топлена, сосиски сварены, а водка охлаждалась.

Даже вспомнил студенческие годы, когда жил в общежитии, мы варили макароны и самые дешевые сардельки, пили портвейн и были счастливы. Зато сейчас не приведи господь подать нам в ресторане не до нужной кондиции прожаренный стейк – будет целый скандал.

Баня распарила тело, водка расслабила душу. Выключив свет, сбросив полотенце, как был, голый, лег спать, раскидав подушки. Провалился в сон моментально, давно такого не было. За окном мела пурга, я еще подумал, что странно – ноябрь, а метет, словно февраль.

Проснулся как от толчка, резко сел, прислушался. Дверь в комнату была открыта, глаза быстро привыкли к темноте. А когда услышал, как что-то скребет в дверном замке, больше удивился, чем испугался. И кто это ко мне решил пожаловать в гости?

А еще подумал: «Зря Макс не дал мне ствол».

Тихо встал, половицы скрипнули под ногами, подошел к двери, прихватив стоящую у стены кочергу. Ну, кто знает, что там за гости? Лично я никого не жду.

Скрежет в замке продолжался, но я-то не дурак, закрылся на крючок, не хотел искать ключи. Приподнял его вверх, дверь резко открылась, глаза ослепило ярким светом, машинально замахнулся кочергой.

Потом был пронзительный женский крик, мое тело начало трясти, словно сквозь меня пропустили разряд током. Грохот, удар головой об пол, и я теряю сознание.

Охренеть – приехал отдохнуть.

Глава 10. Евгения

– Господи, господи, господи... твою же мать!

Руки трясутся, зуб не попадает на зуб, страшно так, что онемели кончики пальцев. И мне кажется, у меня остановилось сердце.

Глотаю ртом воздух, свечу фонариком в телефоне на лежащего передо мной на полу голого мужчину. В другой руке сжимаю электрошокер, а в голове мысли, как тараканы, разбегаются в разные стороны.

Я ведь не убила его? Нет? Интересно, а шокером возможно убить? Читала, что это опасно, если у человека есть кардиостимулятор. Надеюсь, у этого мужчины его нет. А если есть? Меня посадят. Точно посадят!

Господи, надо было брать с собой Тамару. А лучше бы вообще никуда не ездила, к черту Славу, ресторан. К черту всех и всё, в тюрьму очень не хочется.

Мужчина так и продолжал лежать, не подавая признаков жизни, я зашла наконец в дом, закрыла дверь, убрала ключи и шокер в карман пуховика.

Может, это бомж? Забрался в заброшенный дом, увидел, что никто не живет, остался. А почему голый? Наверное, пьяный, напился паленого алкоголя и поймал белочку.

А вдруг он здесь не один? Стало жутко.

Нет, Тамаре звонить нельзя. Может, в полицию? И что я

им скажу? «В доме моей тетки голый мужчина, и я его убила»?

Присела на корточки, рассматривая пострадавшего по моей вине человека. Темные волосы, седина на висках, немного отросшая, но достаточно стильная борода. На груди золотая цепочка и крест, ну, для бомжа такое украшение – это, конечно, странно и слишком роскошно.

Может, украл у кого?

Волосатая грудь, широкие плечи, достаточно крепкий. Луч света прошелся ниже, на пах, посмотрела лишь мельком и отвела глаза. Вот еще, не хватало мне разглядывать его причиндалы.

Рука все еще тряслась, нерешительно, но дотронулась до артерии на шее, задержала дыхание. Венка билась под пальцами, а значит, клиент скорее жив, чем мертв.

Ну, вот и славненько, значит, посадят не меня, а этого странного мужчину, который забрался в чужой дом.

Встала, выключив телефон, щелкнула выключателем, яркий свет осветил помещение. А вот теперь стоит задуматься – приводить его в чувство или связать и ждать утра, а там звонить в полицию?

Звонить в полицию не хотелось. За окном мела пурга, ветки бились в стекло, а на кухне было достаточно уютно. На столе закуска: копченая колбаса, сыр, фрукты, салат из магазина, початая бутылка водки.

Однако какой занятный бомж.

Обернулась назад, мужчина так и лежал, надо хоть чем-то прикрыть его, а то еще простынет. Снова моя доброта берет верх, а подружка учит быть жесткой и не давать никому спуску.

Холодильник включен, практически весь забит едой, за ним в углу алкоголь: коньяк, вино, водка.

Он что, тут жить собрался? На каникулы приехал? Заглянула в комнату: кровать расстелена, никого больше нет. Вот было бы забавно, встретить я сейчас тут его даму сердца.

Голова разболелась, стало жарко, сняла пуховик, разулась, идти мне все равно некуда. Но мужчину стоило, конечно, обезвредить: кто знает, что он выкинет, когда придет в сознание?

А вдруг это беглый заключенный? Его ищут, а он прячется. Нет, надо заканчивать смотреть криминальные новости и слушать то, как их пересказывает бармен.

Открыв и понюхав содержимое бутылки с этикеткой минеральной воды, долго и жадно пила. Легче не стало, и хорошая мысль в голову не пришла.

Часы на стене показывали два часа ночи. Вот это я дала, устроила себе путешествие и пешую прогулку по деревне. Снова оглядела помещение: все чисто, на полу цветные половики, на окне веселенькие шторы. Я здесь была летом, приезжали со Славой проверить дом, но тогда все было гораздо печальней.

Чудеса. Или это бомж такой чудесный?

Да, на бомжа он теперь не тянет. Снова подошла, взяв с вешалки куртку, прикрыла пах мужчины, отметив, что куртка не из дешевых, так же как водка и еда в холодильнике. Уж в этом я разбираюсь.

Присела на корточки, а мужчина довольно приятный – ну, не то чтобы красивый, но внешность не отталкивает. На предплечье две точки – след от шокера, кольца обручального нет. Это, конечно, не факт, что мужик свободен, да и зачем мне это знать?

Слава никогда не носил кольцо, говорил, что неудобно ему с ним. Да, точно, неудобно баб клеть и трахать, жмет, наверное, яйца давит. Я сама только два дня назад свое сняла.

Но на левом запястье мужчины дорогие часы. В этом я разбираюсь тоже, в том году Славе выбирала подарок на день рождения.

Скотина!

Надо было отобрать часы, отобрать все и сломать сноуборд, пусть бы валил в одних рваных трусах и носках, у него теперь полно денег – моих, кстати, денег.

– Эй, мужчина, – тихо позвала, потрепав за плечо.

Вздыхнула, все еще пребывая в сомнениях, стоит ли вообще его приводить в чувства.

– Мужчина, очнитесь! Эй, просыпайтесь!

Господи, какая я дура, еще поцелуй его и ласково погладь.

Набрала в рот минералки и резко дунула на него. Тот поморщился, простонал, начал поднимать руки и шевелиться.

Живой, и на том спасибо.

– Эй, вы слышите меня? Водички хотите?

Блин, ну что я несу?

– Надо встать, а то застудите себе все.

Какая забота, Тамарка бы покрутила пальцем у виска.

Мужчина начал моргать, прикрыл глаза рукой, потом закрутил головой по сторонам, а когда остановил на мне взгляд, я даже растерялась. Хотела ведь устроить скандал, быть решительной.

У него красивые глаза, карие, цвета крепкого чая, густые брови, на коже блестит влага, стирает ее крупной ладонью. А еще в нем чувствуются власть и сила.

– Ты кто такая?

– Женя, – это все, что могла ответить.

– Какая, на хрен, Женя?

– Вот только не надо выражаться, я тоже так умею. Какого хера вы делаете в моем доме?

А вот тут он меня взбесил, забрался в дом, пил, ел, а сейчас лежит такой, смотрит, словно ему все позволено, а еще оскорбляет.

– Почему я на полу?

– Вы упали и ударились.

Не умею я врать, но не говорить же, что я его вырубилa? Мужчина медленно садится, трет голову руками, откидывает куртку в сторону, снова смотрит на меня:

– Упал, говоришь, и ударился? Ну-ну.

Глава 11. ДЫМОВ

Голубые глаза.

А еще запах, такой еле уловимый, что-то ягодное.

Узкое лицо, распущенные светлые волосы, черные пушистые ресницы, тонкие черты лица, чуть приоткрытые влажные губы. Она красивая.

Это сон?

Нет, не может быть.

Женщина вполне реальна, и это она шарахнула меня током.

– Ты кто такая?

– Женя, – это все, что могла ответить.

– Какая, на хрен, Женя?

– Вот только не надо выражаться, я тоже так умею. Какого хера вы делаете в моем доме?

Что она несет? В каком это ее доме?

– Почему я на полу?

– Вы упали и ударились.

Не умеет врать, по глазам видно. Медленно сажусь, тру голову руками, откидываю куртку в сторону, что каким-то странным образом прикрывает мой пах, снова смотрю на нее.

– Упал, говоришь, и ударился? Ну-ну.

– Да, я и сама удивилась, чего это, вроде крепкий мужчи-

на.

Сижу несколько секунд на полу, смотрю в одну точку. Дамочка, конечно, занятая, тру предплечье, на нем красное пятно. Электрошокер – вот чем она меня вырубил.

Встаю, разминаю плечи, девушка отходит в сторону, сжимает в руках стакан с водой, а я надвигаясь на нее.

– Эй, может, вы прикроетесь чем?

– Успею еще.

Гнев накрывает мгновенно. Со мной никто не имеет права так поступать: тыкать шокером, а потом еще врать.

– Я задаю вопрос еще раз – для непонятливых! Кто ты такая?

Прижав в стене, встряхиваю за плечи, она смотрит испуганно, но открыто. На ней теплый свитер под горло, джинсы, снова пахнет ягодами.

– Я ехала, повалил снег, а еще ветер, машина застряла, шла пешком. Хотела открыть дверь, а тут вы, да еще голый. Я испугалась.

– Я спросил, кто ты такая!

Девушка часто заморгала, облизала губы, на щеках появился румянец, было видно, как она волнуется. Ну, она ведь не может быть засланным шпионом, чтобы прикончить меня – пока я лежал в отключке голый, могла это сделать несколько раз.

Ой, да и что за чушь лезет в голову? Киллеры уже мерещатся, Макс совсем мне мозги запудрил своей конспираци-

ей.

– Евгения. Евгения Берг, это дом моей тетки, я приехала его проверить, сфотографировать и выставить на продажу.

Она вообще нормальная?

Может, аферистка?

– Ты мошенница?

– Нет, с чего вы взяли?

– Говоришь чушь.

– Почему это чушь? Вы вообще ничего не говорите, только стоите голый и пугаете меня.

Снова вглядываюсь в ее лицо, у глаз чуть заметные мелкие морщинки. Сколько ей? Тридцать? Больше? Красивые глаза и сама красивая, хоть и взволнованная.

О чем опять я думаю?

– Это мой дом, и купил его я.

– Нет, это мой дом. И я попрошу вас надеть штаны и покинуть его.

– О, как интересно. Сначала вы вламываетесь, тычете в меня электрошокером, ведь это именно благодаря ему я упал, а не как вы утверждаете – сам и ударился головой. А сейчас должен уйти, потому что вам в голову взбрело, что это ваш дом. Вы когда сюда шли, об машину мою не запнулись во дворе, вас ее наличие не натолкнуло на мысли, что в доме кто-то есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.